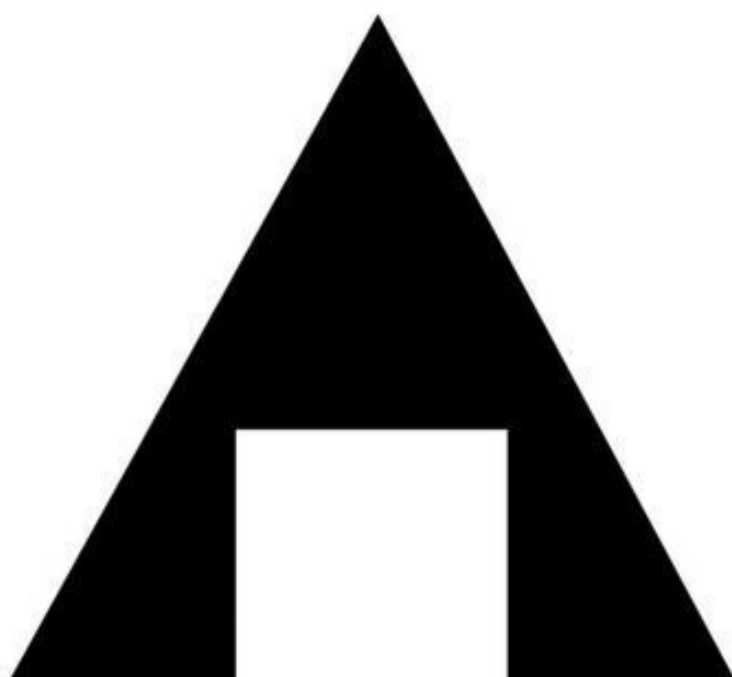

18+

SHAVI LOMI

Антиметатеза

СБОРНИК РАСКАЗОВ

Shavi Lomi

Антиметатеза. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Shavi Lomi

Антиметатеза. Сборник рассказов / Shavi Lomi — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503802-9

Любой мой шаг — половина цикла. Любой цикл — бесконечен. Я лишь волен выбирать тропу — светлую либо темную. Все человеческое покинуло меня — теперь я полый. Один шаг, и я полетел в бесконечность. Антиметатеза.

ISBN 978-5-00-503802-9

© Shavi Lomi
© Издательские решения

Содержание

Антиметатеза	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Антиметатеза

Сборник рассказов

Shavi Lomi

© Shavi Lomi, 2019

ISBN 978-5-0050-3802-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Антиметатеза

Поздним вечером, под лёгкое постукивание морозящего дождя, человек с черной тростью зашел ко мне в дом и сел напротив, уставившись немигающим мертвым взглядом. Он положил трость горизонтально на подлокотники старого кожаного кресла, закинул ногу на ногу, и сплетенные железным узлом кулаки плавно осели. Его вытянутое, небритое лицо оттеняли несвежего вида зализанные назад волосы с аккуратным пробором, безгубая неровная линия рта периодически подрагивала, один глаз закрывала чёрная бархатная повязка, второй блестел молочного цвета бельмом. Ухо украшала серёжка в форме двойных колокольцев. Вперившийся взгляд дрофы – литая обтертая копия головы служила набалдашником для трости, – напрягал даже больше, чем та уверенность, с которой её хозяин облюбовал фамильную мебель моих предков. Его приход был делом времени, и если мысленно я был готов к неизбежному исходу, то накатывающие волны страха, один за другим, поглощали стремительно тающие берега смирения.

Я не сдвинулся с места до тех пор, пока не доел остаток своего остывшего позднего ужина, подытожив его прохладным бокалом сухого красного вина, слегка отдававшего хвойным букетом. Все это время он смотрел на меня молча, не отрываясь, впитывая жадно, вздохнув каждый мой жест, каждое движение – оскалившийся первобытный охотник с искривленной маской лица, жаждущий последнего агонизирующего крика раненой, но все ещё опасной добычи. То, что он мог ошибочно посчитать за слабость, показную бравату, и даже акт открытого презрения, являлось, всего лишь, жизненной необходимостью отсрочить неминуемое, создав иллюзорную имитацию наличия времени и выбора.

– От лица уважаемых членов клуба, я уполномочен сопроводить вас в последний путь и разделить с вами бремя тягчайшего из грехов, – проскрипел он, когда я вытер губы салфеткой и встал из-за стола, – Соответствующие инструкции были высланы вам неделю назад по почте. Достаточное количество времени, чтобы привести дела в порядок и разобраться с всеми юридическими аспектами. Настоятельно сове...

– Сколько ещё? – бесцеремонно прервав его, я почувствовал лёгкий укол удовлетворения.

– Немного. Минут пять, не более. Вы и так исчерпали весь лимит, который был выдан вам. Кэб ждёт нас на улице, поторопитесь мистер Корнуэлл. С каждым словом его лицо всё больше скукоживалось, сжималось, будто пять пальцев кисти руки, стремящихся свернуться в кулак. Затем он резко встал, стальным движением ухватил трость, и непомерно быстрым шагом вышел на улицу, оставив за собой слабый запах аммиака и тонуший колокольный отзвук. Я побежал.

На втором этаже, в конце коридора, меня ждала побитая дверь бледно-бордового цвета, ведущая в темный провал пыльного чулана. Пробравшись сквозь остатки строительного мусора, минуя побитую одноногую софу и старинное выцветшее трюмо с растресканным зеркалом, я обнаружил небольшой врачебный саквояж, накрытый пожелтевшей газетой, упрятанный в пыльный угол ещё с прошлого лета. Прихватив его с собой, и спустившись обратно на первый этаж, я достал кипу слепленных разноформенных бумаг из левого внутреннего кармана пиджака, швырнул её на стол, и со смешанным чувством тревоги и облегчения покинул свой дом навсегда. Даже не оглянулся.

Мир встретил меня тугими, хлёткими ударами косого дождя по кирпичной мостовой. Укутавшись плотнее в верблюжье пальто, я зашагал на другую сторону улицы, где под тусклым бледно-жёлтым фонарным отсветом расплывалось чёрное пятно моего импровизированного катафалка. Зашоренная слепая лошадь, ритмично чеканившая копытами, нервически раздувала ноздри, выказывая свое нетерпение литой статуеподобной фигуре кэбмена в бута-

форской клювастой маске. Подойдя вплотную к кэбу, я стукнул пару раз кулаком по дверце, и она отъехала в сторону, обнажив хищное тёмное, дышащее белой табачной мглой, нутро, поглотившее меня без остатка. Твёрдая, облаченная в чёрную кожаную перчатку, рука грубо затащила и швырнула меня на облицовку сиденья, с громким стуком затворила тугую дверь, затем проследовала к одноглазому гротескному лицу, и, сопровождаемая дымной струёй, упокоилась на колене, с сигарой меж тонких папирусных пальцев. Колокольцы дважды звякнули, и мы резко тронулись.

Начало пути сопровождалось густой консистенцией молчания, монотонным цокотом и смрадным светом люминесцирующих фонарных столбов, легкие наполнились смесью табачного дыма и маслянисто-соляного концентрата. Дышать было трудно, глаза слезились, а я все ждал его вопросов, собирая ошметки разляганного разума в подобие вольтового столба. Меня беспокоили его мысли, его сиюминутные чувства, разрыхленная порода его идолоподобного лица, будто тонкая кожа натянутая на острые грани бесформенного обелиска. Пытаясь разомкнуть удушающий сонный угар, я все сильнее погружался в левитирующее полукружие моего угасающего разума – все мускулы тела одеревенели, налились неподъемной силой, сознание отливало больной багрово-пурпурной палитрой, – пока скрежет консервного ножа не раскроил ассиметричную ржавую линию его рта:

– Зачем вы здесь мистер Корнуэлл? – некогда враждебный привкус сменился на снисходительно-любопытный.

– Каждый из нас ищет створку замочной скважины, – ответил я измученно – разница лишь в том, что мы ожидаем увидеть. Вернее, хотим.

– Пессимизм либо оптимизм?

– Скорее ветвистые рога либо коронующий терновый венок.

– Значит, хоть вы и по другую сторону реки, концепция допущения собственной казни вам роднее?

– Как Господь наш и многие другие, сидящие подле него? – меня лихорадило волнами, слова надломлено скрежетали в зубах, сыпя гранулами галлюциногенного песка.

– Излишне тривиально и надменно, вам не кажется, строить из себя мученика во имя угасающих идей прошлого? – его голос щекотал мое горло острым концом зазубренного лезвия. – Какими бы боги не были – ветхими, новорожденными, животноподобными, обезличенными, возвеличенными, низвергнутыми, всепрощающими, жестокосердными, – все они требовали жертвы для себя, по тем или иным причинам. Чтобы привнести в этот мир аутентичный знак, знамение слова своего, оттиск божественной сущности, называйте как угодно, каждый из них требовал свою долю человеческих страданий и крови. Менялись только личности и соответствующий масштаб.

– И вы думаете, мы сможем прекратить это? Нарушить незыблемый, бесконечный водоворот людского каннибализма во имя фантомных химер? – я чувствовал, как время давит на виски тугими неизбежными волнами фанфар, и правой рукой потянулся за саквояжем.

– Вы такой же адепт, как и мы все, иначе бы вас не было с нами, – его молочный глаз, обрамлённый дымным водоворотом, заблестел обреченной рефлексией утопающего. – Оглянитесь, присмотритесь, почувствуйте неспешный вкус бальзамированной прогнившей плоти, забинтованной во всечеловеческую жертву во имя спасения. Зверь жадно глотает стылые кости циничной лжецивилизации, высасывает костный мозг молчаливого принятия насилия над слабыми, разрывая пергаментную кожу софистически оправданных жертв. Мы и есть тот зверь мистер Корнуэлл. Мы не приносим жертвы богам, мы приносим в жертву себя самих... «чтобы низвергнуть богов их же орудием, низложить их на алтарь человеческий, отдаем мы жизнь Тьме, дабы богов поглотить истинных и лживых, во имя...» лезвие стального хирургического скальпеля идеальным полукругом отсекло глоточные мышцы и мышцы шеи, отчего голова, будто на шарнирах, завалилась назад, обдав меня и кожаный салон кэба мощной фонтанирую-

щей струёй обжигающей черной крови. Булькающий звук опустошающего сосуда чередовался с жадным сосущим крещендо набирающего обороты насоса, сигара, раскаленной точкой, все ещё дымила в скрюченных судорогой восковых пальцах. Мой мозг расцвел фейерверком панического безумия, мир завертелся каруселью образов, ритмично выплескивающей из шеи, будто жерло вулкана лаву, сгустков крови, меняющей консистенцию под действием уличного света фонарных столбов. Голова висела на лоскуте кожи, постукивая по спине своего хозяина каждый раз, когда кэб подскакивал на неровной дороге. Разрываемый изнутри идущими рвотными позывами, я протянул трясущиеся влажные пальцы к черному контуру руки, вытряс сигару из её костяного плена и глубоко затянулся жирным дымом, а потом ещё и ещё – ржавые прутья и шипы железной клетки, стягивающие мои внутренние органы и надтреснутый разум в удущающий сырой кокон с момента пробуждения, оседали бурым пеплом сломленных предубеждений.

Наконец-то я смог дышать полной грудью, но расслабляться было рано. Мне нужна была трость и я нашел в углу, головой прислонившейся к не забрызганной кровью части салона. Открутив литой череп дрофы от ствола эбонитовой трости, я обеими руками воткнул его клювом в шею одноглазого покойника, сопроводив действие непонятным булькающим звуком из своего горла – пришлось немного подождать, и кровь полилась сквозь птичью голову, будто нескончаемый поток богоданной амброзии. Стоя на краю бесконечной пропасти с чёрно-фиолетовыми облаками, я слышал краем уха как голое низвержение крови вливалось прямым в горло, минуя, окантованный поломанной челюстью, овал склизких губ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.